

DOI:10.30842/ielcp230690152319

Г.-Р. А.-К. Гусейнов

(Дагестанский государственный университет, Махачкала)

**ЕЩЕ РАЗ К ПРОБЛЕМЕ ЛЕКСИЧЕСКИХ КОНТАКТОВ
СЕВЕРОКАВКАЗСКИХ, ИНДОИРАНСКИХ И
КЛАССИЧЕСКИХ ЯЗЫКОВ. ЗАМЕТКИ НА ПОЛЯХ ОДНОЙ
ПУБЛИКАЦИИ**

Статья посвящена предполагаемым северокавказским субстратным лексическим элементам, получившим, по мнению одного из лингвистов, отражение в некоторых индоиранских и классических языках. Они рассматриваются как результат контактов индоевропейских и северокавказских народов, имевших место после распада праязыков. Критический анализ соответствующих лексических фактов показал недостаточность аргументов для отнесения заимствований к северо-восточнокавказским, преимущественно нахским, языкам.

Ключевые слова: лексические контакты, северокавказские, индоиранские, классические языки, субстрат.

G.-R. A.-K. Guseynov

(Dagestan State University, Makhachkala)

**Once again on the problem of lexical contacts of the North Caucasian,
Indo-Iranian and classical languages. Notes in the margins of one
publication**

The paper deals with the analysis of several Northeast Caucasian (NEC) substrate lexical elements that Sergey V. Kullanda (2012) considers to be borrowed into Indo-Iranian, Latin and Greek through contacts at the period after these Indo-European branches had separated. The East Caucasian languages separated around the 28th century BC. A critical analysis of Kullanda's views shows that some lexical correspondences are unreliable, e.g. Skr. *kéśa-* 'hair', Avest. *gaesa-* 'curly hair', Lat. *caesaries* 'magnificent curls' and NEC **qasar* 'mane' instead of *qesar*.

Key words: lexical contacts, North Caucasian, Indo-Iranian, classical languages, substrate.

Сравнительно недавно С. В. Кулланда (Kullanda 2012: 406–408) обратил внимание на то, что «в индоиранском и классических языках есть ряд явно родственных слов, демонстрирующих нерегулярные фонетические соответствия или нехарактерную для исконной лексики фонетическую структуру». Он предложил рассматривать некоторые из них как северокавказские заимствования – результат контактов индоевропейских и

северокавказских народов, имевших место после распада праязыков. К их числу им были отнесены др.-инд. *kéśa-* ‘волосы’, авест. *gaēsa-* ‘курчавые волосы’, лат. *caesariēs* ‘пышные кудри’, которые, по его мнению, могли быть усвоены из пранах. **qēs* ‘грива’ (чеч., инг. *qes*, в кириллическом написании *кхес*), возводящемуся, по данным Северокавказского этимологического словаря, к правосточнокавказскому **GwēžV*. Как он полагает, «тот же этимон, но с показателем косвенных падежей (ср. чеч. косв. основу *qēsar-*), видимо, заимствован латинским: *caesariēs* ‘пышные кудри’... Во всех случаях, т. е. в иранском, индоарийском и латинском, пранахский долгий **ē* был воспринят как дифтонг».

Однако с учетом редукции ауслатного *-r* в раннем пранахском и дистанционной регрессивной ассимиляции в вайнахских языках (Imnayshvili 1977: 254, 88, 109–110) должна быть восстановлена не основа *qēsar-* с пранахским долгим **ē*, но пранах. **qasar-*, явно расходящимся в отношении вокализма с предлагаемыми индоиранскими соответствиями. Сомнительна и долгота корневого **ē*, так в вайнахских диалектах формы с подобным гласным не отмечаются (Aliroev 1975: 150). В свою очередь, отсутствие соответствий в дагестанских языках уже, в принципе, вызывает сомнение в возможности бытования правосточнокавказской основы с тем же значением, как и самого контакта, который допускается в эпоху с уже разошедшимися древнеиндийским *kéśa-* ‘волосы’ и авестийским *gaēsa-* ‘курчавые волосы’, а также другими языками, данные которых, включая латинский, используются для сравнения.

Вместе с тем нуждается в специальном рассмотрении вопрос об ареальных пределах той области, где имел место соответствующий контакт с названными выше языками. Следует иметь в виду и его хронологические пределы, ибо пранахская общность, согласно предварительным глоттохронологическим подсчетам А. С. Касьяна по 50-словным спискам базисной лексики, отделяется от основного ствола восточнокавказских языков около XXVIII в. до н. э. (по глоттохронологическим данным С. А. Старостина – чуть раньше XXV в. до н. э., чего нельзя сказать ни об одной ветви или группе дагестанских языков, время бытования которых, по глоттохронологическим данным С. А. Старостина, не превышает XXV в. до н. э. – Koryakov 2006: 21).

Как отмечает А. С. Касьян, не находят подтверждений иногда высказываемая гипотеза о хуррито-урартском как о близком

родственнике нахско-дагестанских языков. Отсюда следует вывод о том, что «хуррито-урартская группа..., видимо, является отдельным кластером сино-кавказской макросемьи» (Kas'yan 2015: 6). Вместе с тем, как полагает этот исследователь, пранахский язык существовал синхронно в течение всего периода фиксации хурритского языка, несмотря на то, что «в 4–2 тыс. до н. э. хуррито-урартские и северокавказские языки сосуществовали в одном ареале» (Kas'yan 2011: 253–254).

Тем самым нахская общность оказывается древнее сравниваемых с нею языков, так как древнеиндийский язык, как считается, выделяется в середине II тыс. до н. э. в то время, как авестийский язык — литературный язык памятников Авесты — в 1200–600 гг. до н. э., что примерно отвечает установленным фактам взаимодействия пранахского языка с митаннийским арийским языком (древнейшая письменная фиксация — XV–XIII вв. до н. э., см.: Guseynov 2015), что, возможно, указывает на область соответствующих контактов — Митанни с ее хурритским языком. Существенно, что это государство, известное в XVII–XIII вв. до н. э., находилось на территории Северной Месопотамии и прилегающих областей и именовалось в египетских и семитских источниках показательным названием — Нахарин(а).

Однако в рамках рассматриваемого исследования, как будет показано в последующем изложении, соответствующие лексические факты, подобно нахским языкам, не обнаруживаются. Так, автор (Kullanda 2012: 408–410) полагает, что источником общеарийского обозначения зятя **āmH/ə-* (ашкун *zamā*, др.-инд. *jāmā-tar-*, авест. *zāmā-tar-*, пашто *zūm* ‘зять’, парачи *zām-*, авест. *zāma-oiia-* = *zāma-vya-* ‘брат зятя’) «могло быть пранахское **zāmV* ‘дружка; жених’ (чеч. *zamō*, инг. *zam-e* ‘дружка, шафер’) или восходящее к тому же восточнокавказскому этимону пралезгинское **č:am* (лезгинское **č:am*, табасаранское *žam*, агульское *žam/žam* ‘жених’)». Тем самым речь идет о чеч. *дзамуо*, инг. *дзамие*, акк. *дзамуō*, чеб. *дзамуо*, итум. *дзамуо* ‘поезжанин’, относящихся к мужскому классу *v* (Aliroev 1985: 258), где чеч. ауслаутное *ow* < **aw*, инг. *-ij* < *-uj* < **ow* < **aw* (см. Imnayshvili 1977: 148–150). Здесь ауслаутный *-w* может восходить к показателю мужского класса *-w*, имея в виду, что речь идет о *поезжанине*, но не дружке жениха, который в соответствии с местной традицией не едет за невестой, и его сторону представляет дружка жениха.

Контакт с указанными выше индоиранскими лексическими формами также представляется невозможным ввиду обще-, межтюрк. *jān* ‘бок’, к числу болгарских репрезентатов которого относятся чув. *s’um* ‘место, находящееся рядом’ (Sevortian, Levitskaja 1989: 113) (**sa-m-*: Сем-ендер – столица Хазарского каганата, располагавшаяся в районе Махачкалы). Другие топонимы, имеющие соответствие в первой части, включают *Sam-* (*kerç*) в устье Керченского пролива (60-е гг. X в.), а также, возможно, другие известные на Северо-Восточном Кавказе и Дагестане древнебулгарские (на *-č*, **z-*, *z-*, *ž-*, *ž-*) отражения пратюрк **j-* (Guseynov 2010: 36–38), которые могут относиться к этому этимону. К их числу представляется возможным отнести как чеч.-инг. **zamaŋ*, так и пралезгинское **č’am* (см. выше).

Что касается других отмеченных автором случаев «разительного совпадения терминов родства и особенно свойства между этими языковыми семьями (ср. и.-е. **snus-* ‘сноха’ и северокавказское **nūsA* ‘невестка’.., и.-е. **sucesor* ‘сестра’ и северокавказское **swēsə* ‘невеста’)», которые, по его мнению, «логичнее всего объяснять заимствованием», то в отношении первого случая, видимо, следует принять во внимание мнение Г. А. Климова, который полагал, что источником кавказских форм, имеющих сравнительно недавний характер, является осет. дигор. *nostæ* ‘невестка’, восходящее к **nusa* < алан. **nuša* < индо-иран. **snuša* < *и.-е. **snusos* (Klimov 1997: 181–184).

К числу субстратных заимствований, выделяемых в индоиранском, С. В. Кулланда (2012: 410–411) относит и древнеиндийское *gandharvá-*, авестийское *gandar³wō-* – член половозрастного класса юношей, которое «могло быть заимствовано из нахского **kan(a)t* (чеч., инг. *kant*, бацб. *knat*) ‘мальчик; юноша; молодец, удалец’+ **āri* ‘шайка, банда’ (чеч. *ēre*, инг. *ār*, бацб. *ajri*) в значении ‘ватага юношей’ (с озвончением **t* и развитием придыхания в индоарийском под влиянием звонкого увулярного фрикативного **ʁ*)». Однако подобные композиты в речевой практике вайнахских языков неизвестны, а его вторая часть в наиболее полных словарях нахских языков не отмечена. Более близкими к ней в семантическом и фонетическом отношении являются чеч. *арданг* ‘стая’, в т. ч. ‘орава ребят’ (Maciev 1961: 41), инг. *ординг* ‘стая’ (Aliroev 1985: 95), *аьрдагла* ‘буйный, озорной, непокорный’ (Kurkiev 2004: 38).

Нуждается, на первый взгляд, в дальнейшей мотивации предполагаемое возведение к правахскому **hāhki* (‘железо’; ср.

чеч. *ēčig*, инг. *äšk*, где чеченская и ингушская формы рассматриваются как результат добавления уменьшительного суффикса **-k* и дальнейшей регулярной палатализации, бацбийское *ajhkī* ‘ид’) + *-in* (суффикс прилагательных) + *nekV* (ср. бацбийское *nek* ‘нож’) ‘железный нож’. Они, по мысли С. В. Кулланды (Kullanda 2012: 414–415), стали источником греч. *acīnacēs* ‘персидский меч’.

Для нахского слова не исключено заимствование из картвельского, если допустить усвоение из груз.-зан. **(r)kīna* ‘железо’, сближаемого некоторыми исследователями с лезг. *raḳ*, таб. *ruḳ* то же в условиях, когда железо стало проникать в Грузию из Урарту довольно поздно лишь с VIII–VII вв. до н. э. (Klimov 1964: 156–157). Как было установлено (Guseynov 2012: 185–186), нахские названия серебра – бацб. *tateb d*, инг. *dotuw d*, чеч. *deti* – также заимствованы из пракартв. или груз. (первый распался до XIX, второй выделился после VIII в. до н. э.). Освоение могло быть осуществлено в результате метатезы этимона *–*akin*, где произошла деназализация ауслота, типичная для нахских языков *–*aki-* и палатализации **k- > -č* (см. выше), которой не было в бацбийском, где в результате вставки ауслотного *-i* образовался дифтонг *aj-*, что привело к ослаблению аналогичного конечного гласного *-ajhkī* (см. Imnaushvili 1977: 120) при том, что исходная непалатализованная вайнахская форма сохранилась в чеб. *ačig* (Aliroev 1985: 44).

Кроме того, как отмечает С. В. Кулланда (Kullanda 2012: 409–410), «благодаря сравнению с осет. *sæn/sænæ* ‘вино’ опознается скифское **sana* ‘вино’, которое также принято сопоставлять с индоиранским языковым материалом». По его мнению, «семантически куда более правдоподобно заимствование из западнокавказского – ср. прасеверокавказское **swīnē* ‘барбарис; смородина’ – аварское *saní* ‘барбарис’, лакское *sunī* ‘гранат’, адыгейское *sāna*, кабардинское *sāna* ‘виноград, вино’... У адыгов это слово было важным культовым термином: день ‘винопития’ (адыгейское *sānasvə*, кабардинское *sānafə*) считался священным, в этот день нельзя было убивать врага».

Известно, однако, и мнение А. К. Шагирова (Shagirov 1989: 156), который полагал, что «для адыгского *санэ* не обязательно предполагать скифо-осетинский источник. Адыги могли заимствовать лексему из древнеиндийского [*śaṇá* ‘конопля’]. Если бы *санэ* было усвоено из осетинского, то в адыгском слове, вероятно, имели бы не *c*; ср. адыгск. *шауджэн/шьоджэн* – из осет. *сауджын /саугин* (от *cau* ‘черный’)...».

С. В. Кулланда не принимает во внимание и то, что в значении ‘виноград’ известны каб. *жызум*, абаз. *джьузым*, наиболее вероятным источником которых является к.-балк. *джюзюм* то же, при адыг. *сэна-шьхь* (см.: Shagirov 1977: № 582; 1989: 97). Последнее, наоборот, – явное производное от *сэна* ‘вино’, подобно вышеприведенным адыгейскому *sānasvə*, кабардинскому *sānafə* ‘день винопития’. Тем самым прасеверокавказскому, точнее, северовостокавказскому *swīnē* ‘барбарис; смородина’ отвечает не адыгейское и кабардинское *sāna*, не имеющее «ягодного» значения, но аварское *saní* ‘барбарис’ (ср.: авар. *saní* при южн. авар. тлярат. *šonô* || *šon-î-l* (Р. п.), чам. *san* || *saŋ*, тинд. *šani* ‘барбарис’, анд., ахв. *šani* ‘облепиха’, бежт. *sino*, гунз. *šinu* || *sina*, инх.(хвар.) *zon*, цез. *zin*, гин. *zenu*, рут. *šīn* || *šīn*-(мн. ч.), цах. *šīna* ‘барбарис’ (Kibrik, Kodzasov 1990: 107) и лак. *sunī* ‘гранат’.

При этом, имея в виду, что барбарис издревле, еще в древнем Шумере, использовался для приготовления вина, не исключено, что в его названии могло отразиться древнеиндийское название конопли *śaṇá-*, издавна использовавшейся для изготовления опьяняющего наркотика. Древнеиндийско-востокавказский контакт, возможно, засвидетельствован в уже известном аварском слове, заимствованном через посредство субстратного языка из древнеиндийского. Тем самым, не исключены связи с восточным регионом, не имеющим, в отличие от нахских языков, территориальной смежности с Кавказом (Guseynov 2015: 194–196). Не исключено, что отмеченный нами выше лексический факт каким-то образом коррелирует с заключительным тезисом Кулланды (Kullanda 2012: 414) о том, что «носители восточноиранских языков уже после их выделения из общеиранского массива также продолжали находиться в зоне контакта с северокавказцами, то есть не так уж далеко от своей прародины, видимо, не восточнее Каспийского моря и реки Урал».

Литература

- Aliroev, I. Ju. 1975: *Sravnitel'no-sopostavitel'nyy slovar' otraslevoy leksiki chechenskogo i ingushskogo jazykov i dialektov* [Comparative dictionary of industrial vocabularies of the Chechen and Ingush languages and dialects]. Mahachkala.
- Алироев, И. Ю. 1975: *Сравнительно-сопоставительный словарь отраслевой лексики чеченского и ингушского языков и диалектов*. Махачкала.

- Guseynov, G.-R. A.-K. 2010: *Istoriya drevnikh i srednevekovykh vzaimootnosheniy yazykov narodov Severo-Vostochnogo Kavkaza i Dagestana s russkim jazykom* [Ancient and Medieval History of Relations between Northeast Caucasian and Dagestan languages and the Russian language]. Mahachkala.
Гусейнов, Г.-Р. А.-К. 2010: *История древних и средневековых взаимоотношений языков народов Северо-Восточного Кавказа и Дageстана с русским языком*. Махачкала.
- Guseynov, G.-R. A.-K. 2012: [On one Indo-European / North Caucasian lexical correspondence and some North Caucasian loans in the Hittite language. Aspects of interpretation]. *Indoevropskoe yazykoznanie i klassicheskaya filologiya* [Indo-European linguistics and classical philology]. 16, 184–191.
Гусейнов, Г.-Р.А.-К. 2012. Об одном индоевропейско-северокавказском лексическом соответствии и некоторых северокавказских заимствованиях в хеттском языке. Аспекты интерпретации *Индоевропейское языкознание и классическая филология*. 16, 184-191.
- Guseynov, G.-R. A.-K. 2015: [Probable Indo-Arian loanwords in the Nakh-Daghestanian languages and the problem of the original localization and the subsequent distribution of these languages]. *Indoevropskoe yazykoznanie i klassicheskaya filologiya* [Indo-European linguistics and classical philology] 19, 193–202.
Гусейнов, Г.-Р. А.-К. 2015: Некоторые индоарийские лексические элементы нахско-дагестанских языков в контексте локализации регионов их первоначального и последующего распространения. *Индоевропейское языкознание и классическая филология* 19, 193-202.
- Imnayshvili, D. S. 1977: *Istoriko-sravnitel'nyj analiz fonetiki nahskih jazykov* [Historical and comparative analysis of phonetics of the Nakh languages]. Tbilisi.
Имнайшвили, Д. С. 1977: *Историко-сравнительный анализ фонетики нахских языков*. Тбилиси.
- Kas'yan A. S. 2011: [Some remarks about lexical correspondences between the Hurrian and North Caucasian languages] *Indoevropskoe yazykoznanie i klassicheskaya filologiya* [Indo-European linguistics and classical philology]. 15, 253–254.
Касьян А. С. 2011: Некоторые соображения о лексических сходжениях между хурритским и северокавказскими языками. *Индоевропейское языкознание и классическая филология* 15, 253–254.
- Kas'yan A. S. 2015: *Klinopisnye jazyki Anatolii (hattskij, hurrito-urartskie, anatoliyskie): problemy etimologii i grammatiki*. Avtoref. diss. ... dokt. filol. nauk [Cuneiform languages of Anatolia (Hattian, Hurro-Urartian, Anatolian): problems of etymology and grammar. Abstract of PhD thesis in Philological Sciences. Moscow].
Касьян А. С. 2015. *Клинописные языки Анатолии (хаттский, хуррито-урартские, анатолийские): проблемы этимологии и грамматики*. Автореф. дисс ... докт. филол. наук. Москва.

- Kibrik, A. E., Kodzasov, S. V. 1990: *Sopostavitel'noe izuchenie dagestanskikh yazykov. Imya. Fonetika* [Comparative study of the Dagestan languages. Noun. Phonetics]. Moscow.
Кибрик, А. Е., Кодзасов, С. В. 1990: *Сопоставительное изучение дагестанских языков. Имя. Фонетика*. Москва.
- Klimov, G. A. 1964: *Etimologicheskiy slovar' kartvel'skikh yazykov* [Etymological dictionary of the Kartvelian languages]. Tbilisi.
Климов, Г. А. 1964: *Этимологический словарь картвельских языков*. Тбилиси.
- Klimov, G. A. 1997: [Caucasian names for a daughter-in-law]. *Etymology* 1994–1996, 181–184.
Климов, Г. А. 1997: О кавказских названиях невестки. *Этимология* 1994-1996, 181–184.
- Koryakov, Ju. B. 2006: *Atlas kavkazskih jazykov* [Atlas of the Caucasian languages]. Moscow.
Коряков, Ю. Б. 2006: *Атлас кавказских языков*. Москва.
- Kullanda, S. V. 2012: [On the problem of lexical contacts of the North Caucasian, Indo-Iranian and Classical languages]. *Indoevropskoe yazykoznanie i klassicheskaya filologiya* [Indo-European linguistics and classical philology]. 16, 406–415.
Кулланда, С. В. 2012: К проблеме лексических контактов северокавказских, индоиранских и классических языков. *Индоевропейское языкознание и классическая филология*. 16, 406-415.
- Kurkiev, A. S. 2004: [Ingush-Russian dictionary]. Nazran'.
Куркиев, А. С. 2004: *Ингушко-русский словарь*. Назрань.
- Maciev, A. G. 1961: *Chechensko-russkiy slovar* [Chechen-Russian dictionary]. Moscow.
Мадиев А. Г. 1961: *Чеченско-русский словарь*. М.
- Sevortian, E. V., Levitskaja, L. S. 1989: *Etimologicheskiy slovar tyurkskikh yazykov. Obshchetyurkskie i mezhtyurkskie osnovy na bukvy «Ж», «Zh», «Y»* [Etymological dictionary of Turkic languages. All-Turkic and Cross-Turkic stems starting with letters «Ж», «Zh», «Y»]. Moscow.
Севортян Э. В., Левитская Л. С. 1989: *Этимологический словарь тюркских языков: Общетюркские и межтюркские основы на буквы «Ж», «Ж», «Й»*. М. Москва.
- Shagirov, A. K. 1977: *Etimologicheskiy slovar' adygskih (cherkesskikh) jazykov* [Etymological dictionary of the Adyghe (Circassian) languages] 2, Moscow.
Шагиров, А.К. 1977: *Этимологический словарь адыгских (черкесских) языков*. Т. 2, Москва.
- Shagirov, A. K. 1989: *Zaimstvovannaja leksika abhazo-adygskih jazykov* [The borrowed lexicon of the Abkhaz-Adyghe languages]. Moscow.
Шагиров, А. К. 1989: *Заимствованная лексика абхазо-адыгских языков*. Москва.